

Политика и идеи.

(О программѣ „Полярной Звѣзды“).

Вѣдшее, политическое обновленіе Россіи должно сопровождаться внутреннимъ, культурнымъ ея возрожденіемъ. Старый порядокъ, режимъ политическаго рабства, не только сковывалъ свободное слово и дѣйствіе гражданъ, но и душилъ независимую мысль, убивалъ возможность смѣлаго и богатаго духовнаго творчества. Это совершалось двоякимъ путемъ: съ одной стороны, цензурные и административные тиски, не будучи въ состояніи убить живую душу, все же мѣшали ей жить полной и просторной жизнью; съ другой стороны, эта живая душа, задыхаясь въ затхлои атмосферѣ рабства и молчанія и употребляя всѣ силы на борьбу съ ненавистными оковами, подчиняла сама себя еще внутренней цензурѣ. Во имя своего святого подвига, она надѣвала на себя, подъ оковами, еще и вериги. У нея былъ одинъ только врагъ—рабство, и одно помышленіе—борьба съ нимъ. Литература, наука, искусство, философія, религія нужны были лишь постольку, поскольку они были орудіями политической борьбы; всѣ идеи и духовные запросы, расширявшіе кругозоръ личности, вносявшіе новыя точки зрѣнія и оцѣнки, беспощадно отменялись, какъ ненужная роскошь и помѣха; страна сама духовно объявила себя на военномъ положеніи и требовала отъ всѣхъ только повиновенія и солидарности въ исполненіи гражданскаго долга. Было возвращено суровое, фанатическое поколѣніе

борцовъ, полное отваги и самоотверженія, но бѣдное самостоятельной мыслью и духовнымъ творчествомъ. Не одной только кровью была куплена свобода; страна заплатила за нее еще упадкомъ идейной жизни и культуры. И озираясь назадъ, мы не можемъ не послать еще разъ проклятія вампиру рабства, который не только пилъ нашу кровь, но и тяжелымъ кошмаромъ давилъ нашу душу.

Но поверженъ-ли сейчасъ этотъ вампиръ, и закончилась-ли борьба съ нимъ? Всѣ знаютъ, что это не такъ, что мы переживаемъ моментъ наибольшаго обостренія исторической борьбы новаго порядка со старымъ. Время-ли теперь—спросить насъ—отмѣнять нравственное военное положеніе, время-ли говорить объ идеяхъ и культурѣ при свистѣ пуль и столахъ жертвъ?

Мы отвѣчаемъ: да, время, настоящая пора подумать теперь объ общихъ идеяхъ, о широкихъ основныхъ задачахъ кампаніи. Бой продолжается, но поворотный пунктъ его уже позади насъ; мы уже преслѣдуемъ бѣгущаго врага, и должны озаботиться устройствомъ новой жизни на полѣ битвы, покидаемомъ имъ. Борьба разрушительная можетъ вестись безъ широкихъ идей, безъ сознанія отдаленныхъ ея цѣлей; борьба созидательная, начало которой уже наступило, нуждается въ культурномъ творчествѣ, въ ясности и цѣльности міросозерцанія, въ богатствѣ духа и свободѣ его инициативы. Намъ нужно выяснитъ, какіе принципы должны быть положены въ основу новаго устройства жизни, на какихъ моральныхъ и культурно-философскихъ устояхъ долженъ быть возведенъ храмъ новой, свободной Россіи.

До сихъ поръ прогрессивныя направленія и группы, стоящія внѣ организованныхъ социалистическихъ партій, не имѣли или по крайней мѣрѣ не высказывали принципиальнаго, философскаго обоснованія своихъ полити-

ческих стремлений. Для примѣра укажемъ на конституционно-демократическую партію, которая, установивъ въ своей программѣ свои требованія во всѣхъ областяхъ государственнаго устройства и политики, не выразила однако своего *profession de foi*, не опредѣлила исповѣдуемыхъ ею политическихъ и социальныхъ принциповъ. Распространено даже мнѣніе, что вообще лишь крайнія социалистическія партіи могутъ руководствоваться общими отвлеченными началами, тогда какъ всѣ инныя партіи, ведя „реальную политику“, лишены возможности имѣть свою *вѣру*, свое цѣльное міросозерцаніе.

Это мнѣніе невѣрно, и этотъ пробѣлъ въ политической мысли долженъ быть восполненъ. Противопоставленіе „реальной политики“ „міросозерцанію“—въ корнѣ фальшиво. *Всякая* политическая партія, въ силу самаго существа ея задачъ и дѣятельности, въ извѣстномъ смыслѣ необходимо есть партія „реальной политики“, ибо желая не только исповѣдывать свою вѣру, но и добиться ея осуществленія въ жизни, она должна считаться съ реальными условіями и пользоваться реальными, доступными ей средствами. Отрицать „реальную“ политику значитъ отрицать политику вообще, и это можетъ дѣлать лишь религіозная секта, какъ напр. толстовство, но не политическая партія. Съ другой стороны, всякая политика должна руководиться общими идеями, и то, что кажется чисто тактическимъ разногласіемъ, по большей части оказывается разногласіемъ принципиальнымъ, вытекаетъ изъ различія моральныхъ и политическихъ убѣжденій. И потому уже давно пора—а сейчасъ прямо настоятельно необходимо—подвести подъ широкое демократическое движеніе, не укладывающееся въ русло социалистическихъ партійныхъ организацій, самостоятельный и прочный идейный фундаментъ.

Въ этомъ—основная задача нашего журнала.

*
*

Въ нашемъ философско-политическомъ міровоззрѣніи мы исходимъ изъ идеи *личности*, какъ носителя и творца духовныхъ цѣнностей, осуществленіе которыхъ въ общественно-исторической жизни образуетъ содержаніе *культуры* и есть высшая и послѣдняя задача политическаго строительства. Личность для насъ священна сама по себѣ, въ силу присущаго намъ моральнаго сознанія, которое гласитъ, что человѣкъ долженъ всегда разсматриваться, какъ цѣль, и никогда—какъ простое средство, и требуетъ отъ насъ уваженія ко всякой человеческой личности, какъ таковой. И личность для насъ священна, какъ живая и вѣчная лабораторія духовнаго творчества, какъ единственная на землѣ реальная точка, въ которой и черезъ которую дѣйствуетъ божественный духъ. Нѣтъ блага, которое было бы благомъ само по себѣ, если оно не служитъ личности; нѣтъ священной цѣли, кромѣ цѣли служенія свободѣ и развитію личности. Въ этомъ смыслѣ мы—убѣжденные индивидуалисты.

На этой идеѣ личности, какъ на незыблемомъ фундаментѣ, должны быть построены всѣ постулаты либерализма, демократіи и социализма.

Личность прежде всего требуетъ себѣ неприкосновенности и свободы. Государство не можетъ быть неограниченнымъ властителемъ надъ личностью; оно должно быть ограничено вѣчными и ненаружимыми ея правами, вытекающими изъ ея нравственнаго значенія. Жизнь духа должна быть свободна и неприкосновенна; мысль и совѣсть не могутъ находиться подъ властью людей—онѣ подчинены лишь своему собственному верховному суду и лишь передъ нимъ повинны отчетомъ. Старая, античная идея полнаго поглощенія личности го-

сударствомъ, растворенія безъ остатка всѣхъ духовныхъ силъ и помышленій въ механизмъ государственной власти—эта идея, слѣды которой еще такъ сильны и въ нашихъ учрежденіяхъ, и въ нашихъ умахъ—противорѣчить современному нравственному сознанию и должна быть отвергнута рѣшительно и безусловно. Свобода совѣсти и мысли, свобода устнаго и печатнаго слова, свобода идейнаго и практическаго общенія въ собраніяхъ и союзахъ суть неотъемлемыя права личности, вытекающія изъ основнаго ея права на самоопредѣленіе и свободное развитіе. Эти свободы не суть простыя *средства* политической борьбы, боевыя позиціи, выигранныя демократіей у стараго режима; какова бы ни была форма власти, въ чьихъ рукахъ бы она ни находилась и какъ бы искренно она ни руководилась интересами народнаго блага, дѣйствительными потребностями большинства—она не вправѣ приносить въ жертву своей цѣли эти неотъемлемыя права личности. Личность стоитъ выше государства, и никакое государство не можетъ смотрѣть на нее, только какъ на свое орудіе. Въ этомъ отношеніи всякая диктатура, отъ кого бы она ни исходила и какими бы соображеніями ни руководствовалась, одинаково безнравственна и недопустима. Право должно служить обезпеченію свободы, и всякій порядокъ, убивающій свободу, противоправенъ и незаконенъ.

Но уваженіе къ личности требуетъ не только ея свободы, но и *равноправія*. Всѣ люди, несмотря на ихъ естественныя различія, равны, какъ человѣческія личности; они равноцѣнны, ибо всѣ въ равной мѣрѣ суть представители священнаго начала личности. Разъ человекъ не можетъ быть средствомъ и орудіемъ для другого человека, то оба они равны по своему моральному значенію. Это равенство требуетъ себѣ политическаго выраженія въ принципѣ *демократіи*. Прежде всего не-

допустимы никакія сословныя и національныя привилегіи, никакія преимущества и отличія, юридически прикрѣпленныя къ отдѣльнымъ избраннымъ группамъ личностей въ силу самаго происхожденія. Съ другой стороны, всѣ люди, въ силу ихъ свойства, какъ носителей духовнаго и общественнаго идеала, имѣютъ право на *равное* участіе въ политическомъ творчествѣ, въ образованіи государственной власти. Власть можетъ принадлежать только *всему народу* и всѣмъ его членамъ въ *одинаковой мѣрѣ*. Отсюда требованія народовластия—всеобщее и равное избирательное право, отвѣтственность власти передъ народомъ и т. п.

Свобода личности и равноцѣнность, а слѣдовательно равноправіе отдѣльныхъ личностей — таковы морально-политическіе постулаты демократическаго движенія. Но на этомъ нельзя остановиться: демократія должна быть осуществлена не только въ сферѣ политической (въ узкомъ смыслѣ слова), но и въ области хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній. Человѣкъ долженъ быть свободенъ, и онъ не можетъ быть средствомъ, орудіемъ въ рукахъ другого человека; отсюда вытекаетъ моральная недопустимость хозяйственной эксплоатаціи и соціальныхъ привилегій. Истинная свобода, какъ и истинное равноправіе осуществимы лишь въ обществѣ, въ которомъ народъ самъ такъ же управляетъ своей хозяйственной судьбой, какъ и судьбой политической. Лозунги освобожденія личности и демократизаціи общества, примѣненные къ экономической жизни, логически приводятъ къ идеѣ социализма или скорѣе *ее образуютъ*. Міросозерцаніе социализма шире и глубже тѣхъ экономическихъ или политическихъ формулъ, съ которыми оно обыкновенно отождествляется и приверженцами, и противниками его. „Диктатура пролетаріата“, экспроприація капиталистовъ, даже отмѣна

частной собственности и обобществление орудій производства не исчерпываютъ собой основной идеи социализма и даже совсѣмъ не затрагиваютъ ея. Все это — лишь частичные, частью односторонніе, частью прямо невѣрные техническіе приемы осуществления социализма. Даже социализмъ, понимаемый какъ коллективное хозяйствование народа или вообще какъ извѣстная, заранѣе опредѣленная организація производства, обмѣна и распредѣленія, не можетъ имѣть *принципіального* морально-политическаго значенія; онъ сводится къ вопросу о цѣлесообразности той или иной организаціи хозяйства — вопросу, который можетъ быть рѣшенъ лишь на основаніи указаній опыта и свободнаго научнаго изслѣдованія. *Принципіально* въ социализмѣ лишь перенесеніе идей свободы и равноправія личностей на экономическую и социальную область; принципиально въ немъ только требованіе отмѣны хозяйственной эксплуатаціи и социальныхъ привилегій. Намъ извѣстны теперь лишь нѣкоторые изъ путей, ведущихъ къ этой цѣли, и мы не можемъ отождествлять эти немногіе пути съ самой сущностью социалистическаго идеала. Социализмъ есть великая *проблема* нашихъ дней, но для рѣшенія ея нужны не только практическія, но и *идейныя* усилія нашего поколѣнія, какъ и поколѣній грядущихъ.

Въ философскомъ или морально - политическомъ отношеніи, социализмъ, будучи прямымъ выводомъ изъ либерально - демократическихъ идей свободы и равенства, прибавляетъ къ нимъ лишь одну принципиально новую идею — идею *солидарности* или *братства*. Отвѣтственность общества за судьбу и благосостояніе его членовъ, право личности, какъ члена солидарнаго цѣлага, требовать отъ общества обезпеченія себѣ условій свободной, разумной и достойной жизни — вотъ великій новый моральный принципъ, внесенный социалистическимъ уче-

ніемъ. Эта идея уже завладѣла умами всѣхъ, стала уже аксіомой современнаго общественно-моральнаго сознанія. Все социальное законодательство, какъ бы несовершенно оно пока еще ни было, въ принципѣ исходитъ изъ нея и открыто признаетъ ея обязательность. Старое манчестерство, принципъ „каждый за себя“, нынѣ уже окончательно истреблены и изгнаны изъ умовъ людей; принципъ „всѣ за каждого“ укрѣпленъ навсегда въ социальной совѣсти человечества. Социальная справедливость и социальная солидарность — таковы незыблемыя основы социалистическаго міровоззрѣнія. Изъ этихъ идей въ одинаковой мѣрѣ вытекаютъ и всѣ текущія законодательныя мѣры въ области социального вопроса, — и тѣ великіе предположенія и планы, которые задаются цѣлью довести дѣло солидарности и справедливости до послѣдняго его конца.

Старая, великая, осмѣянная, но неумирающая формула — *свобода, равенство, братство* — вновь невольно встаетъ передъ нами, не какъ банальная громкая фраза, а какъ глубоко серьезное и многозначительное обобщеніе основныхъ моральныхъ мотивовъ, руководящихъ политическимъ и социальнымъ прогрессомъ и заключающихъ въ себѣ неисчерпаемый запасъ идей для общественнаго строительства будущаго.

* * *

Но идеи и идеалы нужны не только для того, чтобы знать, *что* нужно дѣлать; они не менѣе нужны и для того, чтобы знать, *какъ* нужно дѣйствовать, *какіе пути* къ осуществленію задачи должны быть признаны допустимыми и цѣлесообразными. Мы имѣемъ въ виду не спеціальныя и детальныя проблемы тактики, выставляемыя борьбой текущаго дня, а широкіе и принципиальные вопросы о сущности, условіяхъ и приемахъ всякой об-

шественной и политической дѣятельности. Отвѣтъ на эти вопросы вытекаетъ изъ самыхъ основъ моральнаго, политическаго и социологическаго міропониманія. Въ какой мѣрѣ и въ какихъ предѣлахъ допустимъ и цѣлесообразенъ пріемъ насильственной борьбы? Какими путями можно добиваться и удержать въ своихъ рукахъ моральное вліяніе на общество и политическую власть надъ нимъ? Каковы тѣ сложные психологическіе моменты въ отношеніяхъ общественныхъ силъ, которые обычно резюмируются въ схематической формулѣ „борьбы классовъ“? Въ какихъ предѣлахъ политической и социальной строй можетъ быть измѣненъ внезапнымъ переворотомъ? Всѣ эти и имъ подобные вопросы нуждаются въ серьезномъ, вдумчивомъ, добросовѣстномъ и свободномъ отъ предвзятости обсужденіи—иначе мы рискуемъ, слѣдуя за шаблонами и трафаретами, потерять изъ виду живую дѣйствительность и совершить рядъ гибельнѣйшихъ ошибокъ. А какъ мало теперь у насъ думаютъ обо всемъ этомъ!

Мы не можемъ дать здѣсь готовый отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Но мы хотѣли бы, по крайней мѣрѣ, намѣтить общую принципиальную точку зрѣнія, изъ которой мы исходимъ во всѣхъ нашихъ тактическихъ соображеніяхъ. Мы твердо убѣждены, что единственной основой всякаго политическаго и социальнаго порядка, какъ и единственнымъ и послѣднимъ двигателемъ всякаго политическаго и социальнаго прогресса и переворота является *общественное мнѣніе*, совокупность и равнодѣйствующая господствующихъ въ народѣ вѣрованій, стремленій и настроеній. Эта, довольно банальная, на первый взглядъ, истина на практикѣ не пользуется особой популярностью въ Россіи. Нуженъ извѣстный уровень культурнаго развитія, нуженъ историческій опытъ и политической навѣкъ, чтобъ убѣдиться ясно и непреложно

въ конечномъ всемогуществѣ общественнаго мнѣнія, въ бессилии всѣхъ попытокъ насильственнаго его подавленія и въ политической опасности высокомернаго пренебреженія имъ. Повидимому, этихъ условій еще недостаетъ въ Россіи; по крайней мѣрѣ, пренебрежительное отношеніе къ общественному мнѣнію и преувеличеніе могущества государственнаго принужденія и насильственной борьбы въ политикѣ характерно для значительныхъ круговъ нашего общества. Это есть точка зрѣнія, на которой искони стояло русское правительство и которая привела его къ его теперешнему банкротству; и въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что не только бюрократія и реакціонные элементы, но и часть революціонно настроенныхъ круговъ общества являются вѣрными учениками политической философіи Побѣдоносцева и Плеве. Они полагаютъ, что насиліемъ и принужденіемъ можно сдѣлать все; имъ кажется, что стоитъ только устрашить власть или захватить ее въ свои руки, чтобъ перестроить по своему желанію весь общественный порядокъ, не считаясь съ тѣмъ, что думаетъ и какъ чувствуетъ большинство общества. Такова, на примѣръ, позиція, на которую рѣшительно и открыто встала за послѣднее время русская социалдемократія, забывъ уже о всякомъ марксизмѣ, отбросивъ, въ пылу борьбы, самыя глубокія и плодотворныя идеи Маркса о значеніи соотношенія общественныхъ силъ въ политикѣ, о невозможности предупредить или измѣнить путемъ декретовъ органическую эволюцію общественнаго порядка. Этотъ взглядъ есть наслѣдіе некультурнаго прошлаго; этотъ взглядъ—скажемъ прямо—есть полицейская мудрость. Насиліе законно и необходимо, какъ *ultima ratio* скованнаго общественнаго мнѣнія, какъ естественная и здоровая его самооборона отъ насилія же; въ этомъ—орелъ правды революціоннаго движенія, въ этомъ—источ-

никъ симпатіи къ нему общества. Но въ насиліи нѣтъ творчества, и всюду, гдѣ ему приписывается творческое значеніе, оно возбуждаетъ противъ себя могущественную и, въ конечномъ счетѣ, непобѣдимую реакцію въ общественномъ мнѣніи.

Говоря такъ, мы однако же рѣшительно и категорически отвергаемъ лицемѣрныя жалобы правительства и реакціонныхъ круговъ на „насильственныя“ дѣйствія революціонеровъ. Духъ насилія привить самодержавіемъ; зло родить зло. Не тѣмъ, кто угнеталъ русскую мысль и совѣсть, не тѣмъ, кто стрѣляетъ въ мирныхъ людей и устраиваетъ черносотенные погромы, говорить противъ насилія. Они лишь пожинаютъ посѣянное ими. Пока общественная совѣсть не удовлетворится и не успокоится, насилія по прежнему неизбежны даже тамъ, гдѣ они нецѣлесообразны.

* * *

Если мысль, что истиннымъ творцомъ и опорой всякаго строя являются мнѣнія, желанія и вѣрованія общества, вѣрна вообще, то она вдвойнѣ вѣрна въ примѣненіи къ *соціальнымъ отношеніямъ*. Никакой соціальный порядокъ не можетъ быть просто декретированъ или утвержденъ путемъ внезапнаго политическаго переворота; въ своей основѣ онъ складывается органически подъ вліяніемъ всей совокупности техническихъ, психологическихъ и интеллектуальныхъ условій, въ которыхъ живетъ общество. Люди живутъ такъ, какъ они умѣютъ жить, какъ ихъ научилъ жить ихъ историческій опытъ, ихъ правовыя воззрѣнія и условія ихъ хозяйствованія. Для того, чтобы измѣнить соціальный строй, недостаточно просто *приказать* сдѣлать это; надо *научить* людей жить иначе, надо перевоспитать ихъ интеллектуально и морально, надо, чтобы въ самомъ старомъ порядкѣ уже

естественно сложились элементы и формы отношеній, могущіе служить образцомъ дальнѣйшаго развитія. Идея „соціальной революціи“, если понимать подъ нею какой либо сознательно подготовленный и насильственнымъ путемъ внезапно осуществленный переворотъ въ соціальныхъ отношеніяхъ, лишена всякаго реального смысла и представляетъ пережитокъ архаическаго, давно опровергнутаго соціологическаго воззрѣнія. Поэтому и соціалистическій порядокъ отношеній можетъ быть осуществленъ лишь эволюціоннымъ путемъ, лишь внутреннимъ, непрерывнымъ, органическимъ пересозиданіемъ и перевоспитаніемъ всего общества. Технические и хозяйственныя условія должны достигнуть извѣстнаго уровня развитія; народъ долженъ практически пріучиться въ кооперацияхъ, профессиональныхъ союзахъ и аналогичныхъ формахъ общенія къ коллективному хозяйствованію, къ экономическому самоуправленію; соціальное и экономическое законодательство должно подготовить механизмъ общественнаго регулированія условій производства и распредѣленія, и соціальная наука и мораль должны воспитать общественное сознаніе къ идеѣ солидарности и коллективной отвѣтственности. Такова идея эволюціоннаго и интегральнаго социализма, которая не только одна соотвѣтствуетъ современному уровню соціальной науки, но и фактически образуетъ идейную основу реального соціалистическаго движенія, подъ какимъ бы официальнымъ знаменемъ оно ни совершалось. Сущность такъ называемаго „научнаго“ социализма, какъ его идея была установлена Марксомъ, въ отличіе отъ социализма утопическаго, состояла именно въ этой мысли объ органическомъ и эволюціонномъ пересозиданіи соціальныхъ отношеній, хотя и у самого Маркса, а тѣмъ болѣе у его догматическихъ послѣдователей, эти научныя взгляды перекрещивались съ ненаучными реминисценціями рево-

люціонно-бланкистскаго характера. Истинно гениально та же идея была выражена Герценомъ въ одномъ изъ послѣднихъ его сочиненій, въ „Письмахъ къ старому товарищу“ (М. А. Бакунину), которыхъ нельзя достаточно настойчиво рекомендовать вниманію современныхъ русскихъ социалистовъ. Таково же, какъ извѣстно, міросозерцаніе англійскаго „фабіанскаго“ социализма, который нашель себѣ отголосокъ въ могущественныхъ идейныхъ теченіяхъ континентальнаго социализма. Тогда какъ такъ называемый „научный социализмъ“ выродился теперь въ ненаучную и антинаучную догматическую *вѣру*, эволюціонный социализмъ можетъ по праву притязать на названіе „научнаго“, не потому, чтобы онъ обладалъ монополіей научной истины—наука не знаетъ монополій—а потому, что въ немъ содержится необходимая для научной работы самостоятельность мысли и принципиальный отказъ отъ непоколебимыхъ формулъ и готовыхъ, навсегда данныхъ отвѣтовъ.

Ни одинъ добросовѣстный и мыслящій человекъ не можетъ сказать въ настоящее время, что онъ знаетъ, въ какія реальныя формы выльется социалистическая идея и какими практическими способами удастся организовать жизнь на социалистическихъ началахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ искренній и образованный демократъ не можетъ отрицать социалистическую идею въ принципѣ и отвергать законность стремленій, направленныхъ къ социализаціи общественныхъ отношеній. Демократическое движеніе должно быть и по существу является движеніемъ социалистическимъ — борьбой за социальную справедливость и социальную солидарность. А социалистическое движеніе только въ томъ случаѣ пуститъ крѣпкіе корни въ живой дѣйствительности, если оно пойметъ свое дѣло, какъ широкую задачу культурной, политической и социальной реформы, и примкнетъ

къ могучему потоку, стремящемуся къ демократическому переустройству и перевоспитанію общества.

Не будемъ же, за великой борьбой текущаго дня, забывать объ еще болѣе великихъ общихъ идеяхъ, лежащихъ въ ея основѣ; не будемъ упускать изъ виду вѣчныхъ идеаловъ, путеводныхъ звѣздъ человѣческаго прогресса. Но будемъ также помнить, что идеалы—не идола, и что служеніе имъ требуетъ не слѣпого и фанатическаго поклоненія, а вѣры свободной и широкой, связанной съ чуткимъ отношеніемъ къ жизни и съ полной независимостью мысли.

С. Франкъ.